

„Помысли убо, о велемудрый государю! От каковыя славы и в какво в бесчестие сводят твое величество, толиким тмам народа погибшим и церквам Божиим разоренным и оскверненным. И кто каменосердечен не всплачется о сей погибели?!“.

Эта смена высокого стиля глубоко лирическими возгласами еще ярче выступает дальше. „И где убо хоцещи избежати или воцаритися погубив врученное ти от бога стадо?! Слыши, что глаголет пророк: аще възиграешися яко орел и аще посреди звезд гнездо свое сътвориши, то и оттуду ты свергу, рече господь, инде же глаголет: Камо пойду от духа твоего...“, и т. д.

И вдруг проникновенная лирика:

„И где паки отходиши, пастырю добрый?!
Кому оставяеши нас,
яко овца не имуща пастыря?!“.

Лиризм Послания увеличивается от частых обращений к адресату. Это смягчает риторическую сторону произведения, делая его более конкретным, горячим, трепетным.

Весьма существенной стороной стиля Послания является ритм, подчеркивающий пафос произведения. Начало произведения настраивает уже читателя соответствующим образом не только своей терминологией, но и ритмической организованностью.

„Благовёрному и христороубивому,
Благородному и богом венчанному
.....“

Цитаты из священного писания и места, привычно молитвенные, организованные ритмически до Послания, поддерживают ритм последнего.

„Пастырь добрый
душу свою полагает за овцы;
а наемник, иже несть пастырь,
ему же не суть овца своя,
видит волка грядуща...“

Однородность членов предложения, часто употребляемая автором, тоже создает известный ритм.

„Ахмату уже приближающу
И хрестьянство погубляющу,
наипаче же на тебя хвалящуся...
Тебе же пред ним смиряющуся
и о мире молящуся
и к нему пославшу.
Ему же... гневом дышющу
и твоего моления не послушающу...“.

Пожалуй, самой большой ритмо-определяющей силой в Послании выступает начало анафорическое. Лексические анафоры встре-